● 30-КМ ЗОНА: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ

НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО

(Из выступления в прямом эфире радиопередачи «Чорнобильський меридіан», заместителя генерального директора НПО «Припять» Юрия ГРИНЧУКА)

Соглашусь с высказыванием начальника Администрации зоны отчуждения Владимира Холоши, что работы по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы нельзя оценивать однозначно: есть и положительные, и отрицательные результаты. Существует ряд запрограммированных работ, которые в силу ряда обстоятельств осуществить было невозможно. Какие же это причины? Прежде всего — отсутствие финансирования и энергоносителей. Поэтому и те 80—90 процентов завершенного объема работ, относящихся именно к ликвидации последствий аварии, можно рассматривать двояко.

Львиная часть выполняемых программ в зоне отчуждения принадлежит НПО «Припять». При этом, хочу подчеркнуть, в процессе своей деятельности объединение, в силу безудержного роста цен на энергоносители и услуги, несет большие потери.

С чем же мы подошли к финишу 1993 года? По всем показателям объединение практически имеет положительный результат: по захоронению радиоактивных отходов, ликвидации свалок, научно-техническим изысканиям и пр. К сожалению, не справляемся с работами по обеспечению наших работников индивидуальными средствами защиты. Причина та же — отсутствие средств.

Недавно в прямом эфире В. Холоше задали вопрос, на который он дал весьма обтекаемый ответ. А вопрос звучал примерно так: «Каким вы видите будущее НПО «Припять»? Я бы поставил вопрос поиному: «Будущее зоны отчуждения без НПО «Припять»? И тогда каждый смог бы себе ответить, как может существовать зона без такого специфического предприятия, как НПО «Припять»?

К огорчению, об этом, вероятно, не все еще знают, что развернута целая кампания, чтобы разрушить эту структуру. Ту структуру, которая налаживалась годами, на которую затрачены огромные средства и время, которая взвалила на свои плечи тяжелейшую задачу ликвидации последствий аварии, и которая постоянно и незаслуженно получает пощечины из-за нерасторопности и бездействия других организаций.

Да, объединение можно распылить, рассеять, уничтожить, можно сделать все, что угодно. Нам это не в диковинку, и специалисты в этой области у нас еще не перевелись. Но результат подобных разрушений всем известен: развал, полный кризис, попытки создать невозрождающееся. Поэтому, когда рассуждают о судьбе НПО «Припять», нужно всегда помнить о судьбе зоны отчуждения и о том, чтобы в самом ближайшем времени не выглядить посмешищем.

Соглашусь с В. Холошей, что суммы, направляемые на ЛПА явно недостаточны. Могу сказать и другое: даже и эти крохи используются весьма нерационально. Давайте вдумаемся. Финансирование уважаемого мной Межотраслевого научно-технического центра «Укрытие» идет из тех кровью и потом заработанных народом средств, которые отобраны у него и направлены на ликвидацию Чернобыльской

(Окончание на 2 стр.)

НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО

(Окончание. Начало на 1 стр.)

трагедии. Почему МНТЦ «Укрытие» живет за счет налогов, а не средств организации, которая виновна в нанесении такого ущерба государству? Такая организация - правопреемник Минатомэнерго СССР у нас есть — Комитет по атомной энергетике Украины.

Еще один вопрос, не имеющий никаких объяснений. Почему все зарубежные организации, комиссии Европейского Сообщества, работая с нашим объединением на договорной основе, проводят исследования в зоне отчуждения, на нашей аппаратуре, лабораториях, мы предоставляем им весь комплекс услуг, а платят они звонкой монетой Минчернобылю, а другие, из СНГ, да и отечественные, здесь зарабатывают деньги из бюджета Украины, который, вновь подчеркну, формируется из народных средств?

Уже сегодня надо пересмотреть необходимость содержания в зоне отчуждения ряда предприятий и учреждений, которые безосновательно осели в 30-километровой зоне. Есть такие предприятия, чье штатное расписание — 30—35 человек, а зарплата его руководителя точно такая же, как у директора, который отвечает за пять тысяч работников. Более того, из этих тридцати человек почти половина является руководящей группой, то есть, имеющей весьма приличную зарплату, да и два-три заместителя директора по штату... Посчитайте, в какую копейку обходится государству такое «предприятие».

Когда у меня спрашивают, нужен ли такой орган, как Администрация зоны отчуждения, я всегда отвечаю прямо: Администрация нужна, но не ведомственная, ни Минчернобыля, ни Минэнерго, ни чья-то еще. Никому от этого нет и не будет пользы. Если разобраться, сегодня Администрация может влиять только на НПО «Припять», «Чернобыльлес» и малые предприятия, которые работают в структуре Минчернобыля и который является их основателем. На Чернобыльскую АЭС, например, Администрация никак не может влиять, и некоторые другие скептически смотрят на то, как их основные функции из каких-то соображений Администрация пытается прибрать под себя.

В одном из писем в Кабинет Министров мы ставили вопрос о том, что Администрация зоны отчуждения должна быть государственным органом, подчиненная напрямую или Президенту, или Кабинету министров, может, областным органам управления, но никак не ведомственной. Эта структура не должна быть производственной — это однозначно. Что же сейчас получилось? Нас постоянно упрекали, что у нас-де очень большой аппарат управления, и в тоже время создают еще одну структуру, которая занимается теми же функциями. Ну, скажите, есть ли какой-то здесь здравый смысл?

Не один раз мы поднимали вопрос о повышении зарплаты нашим работникам. Сегодня, если взглянуть на то, что мы получаем и на цены, которые с каждым днем возрастают, то получим печальную картину. Но при всем при том нам постоянно тычут в глаза наш двойной коэффициент. Давайте наконец скажем прямо: этот коэффициент — плата за потерю здоровья. И если кто-то будет утверждать обратное, он, поверьте, крепко ошибается. Ладно, не верите мне, обратитесь в РСУ и поспрошайте, для каких целей они нередко используют доски? А уж тогда мы с такими поговорим, если, конечно, останутся при своем мнении (подобные люди порой встречаются).

Председателю профкома НПО «Припять» Василию СТРУКУ часто приходится «выходить» в прямой эфир местной радиостудии, чтобы ответить на многочисленные вопросы работников 30-км зоны.

Недавно к нам обратились лидеры профсоюза НПО «Припять»: дальше терпеть такое положение невозможно, надо что-то предпринимать. Нужно ставить перед Минчернобылем, Кабинетом министров, Верховным Советом, его чернобыльской Комиссией требование о социальной защите вахтовиков. В свою очередь наша экономическая служба работает над этим, готовит соответствующие документы в вышестоящие организации. Это же требование мы ставим и перед Администрацией зоны отчуждеиня, работающей с нами бок о бок.

Теперь вопрос об экономии энергоносителей, горючих материалов. Уже в ближайшее время мы ликвидируем так называемый жилой частный сектор. Разместим людей за счет уплотнения в общежитиях Чернобыля, часть переселим в Зеленый Мыс. Как подсчитали специалисты, на обогрев домов частного сектора мы теряем до 40 процентов тепла. По существу водопроводы обогревают воздух (как известно, вся тепловая сеть Чернобыля проведена поверху). В случае, если нам не добавят газа по лимитам, то, вероятно, придется отрезать тот же ЧРЭБ, другие подразделения, питающиеся теплом промышленной зоны. Возможно, возьмем на вооружение опыт коммунальных служб Киева при котором в определенные часы будет отключаться электроэнергия и подача газа в центральную котельную. Словом, как сможем, так и будем выкручиваться.

И, наконец, отвечу на такой вопрос: кто должен контролировать средства, выделяемые на решение чернобыльских проблем? Их должны контролировать те организации, которые формируют программу ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. И если она уже сформирована, то обязательно должна быть профинансирована. Для этого и существуют Минчернобыль, Кабинет министров, и вся система, на которую возложена ответственность за все, что происходит в 30-километровой зоне. И здесь не последнюю роль должно играть и предприятие, использующее эти средства.

Эдуард КУЗНЕЦОВ.

Фото (на 1—2 стр.) Валерия КУЗЕНКОВА.